

Когда под Гражданский кодекс РФ подведут научные основания?

Ценность научного знания состоит в том, что оно точно описывает признаки и основные свойства того или иного изученного объекта (процесса, явления) объективной действительности, доказательно объясняет причины, механизмы, направления и последствия его развития. Именно поэтому во все времена это знание было востребовано в тех сферах жизнедеятельности, где человеку требовалось умножить свою энерговооруженность, создать благоприятные условия для жизнедеятельности, улучшить рацион питания, излечиться от болезней и т.д. Однако во взаимоотношениях людей между собой, когда требуется идейно обосновать какие-то частные притязания или нравственно оправдать намерения и совершенные поступки, значимость научного знания существенно снижается и уступает место иррациональным суждениям. Особенно это заметно в отношениях собственности, регулируемых Гражданским кодексом Российской Федерации.

В настоящее время Государственная Дума РФ обсуждает его новый проект, который, по словам П.В. Крашенинникова, прошел массовую апробацию. Действительно, 26 апреля подобная конференция прошла и в Новосибирске, но вход на неё осуществлялся строго по спискам, и нежелательным для её организаторов посетителям вход в зал преграждался охраной. Отношение авторов проекта к альтернативным точкам зрения проявлялось также в другом. Когда журналист Б. Ямшанов сообщил советнику Президента РФ по правовым вопросам В.Ф. Яковлеву мнение некоторых юристов, что «в Гражданский кодекс надо не поправки вносить, а переписывать его заново», он в категорической форме ответил: «Так можно сказать плохой юрист. Он или не знает Гражданский кодекс, или хочет его испортить. Хороший юрист этого не скажет. Потому что Гражданский кодекс России — один из лучших кодексов Европы» (РГ 5 апреля 2012 г.).

С научной точки зрения, В.Ф. Яковлеву следовало бы спросить журналиста об аргументах, на основании которых предлагается переписать Гражданский кодекс, и только по ним высказывать оценки. А он сразу же назвал этих юристов плохими за их негативное отношение к действующему закону. Так что об учёте и осмыслении различных точек зрения авторами проекта говорить не приходится.

Эти два примера являются знаковыми. С одной стороны, вроде бы прошло обсуждение проекта, а с другой, — «как сказал, так и будет». Вместо осознания содержания исходных понятий и разработки на этой основе основных нормативных решений в документ собрали множество частных фактов, позволяющих создать впечатление грандиозности проведенной работы. Теперь в этот процесс втянули законодателей.

На самом деле, если внимательно вчитаться в многочисленные рассуждения инициаторов и апологетов нового, а фактически старого проекта Гражданского кодекса, на ум приходит образное сравнение типов учёных Ф. Бэкона: «Эмпирики, подобно муравью, только собирают и довольствуются собранным. Рационалисты, подобно пауку, производят ткань из самих себя. Пчела же собирает средний способ: она извлекает материал из садовых и полевых цветов, но располагает и изменяет его по своему умению». Авторы ГК РФ и его нового проекта похожи на муравьев, собирающих всё встречающееся на пути. Поэтому ответов на множество актуальных вопросов в отношении собственности нет. Судите сами.

Первый вопрос связан с пониманием авторами Гражданского кодекса и его нового проекта понятия «собственности». Так, в ч. 1 ст. 209 действующего федерального закона записано, что «собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом». В новой редакции право собственности заменено на термин «понятие владения», означающее **«фактическое господство лица над объектом владения (статья 211) и сохраняется до тех пор, пока владелец имеет свободный доступ к объекту владения»** (выделено нами. — В.Б.). Обращаем внимание читателя на откровенный уход авторов действующего федерального закона и представленного в Государственную Думу РФ проекта от процедуры определения признаков, сущности и содержания основного объекта, доступ к которому регулируется данным нормативным актом. Если в действующем ГК РФ смешаны владение, пользование и распоряжение, то авторы проекта акцентировали внимание только на владении. При этом они внесли норму, позволяющую не признавать владельцем лицо, не имеющее свободного доступа к объекту своего владения. Представьте себе, какую свободу для будущего её толкования они создали. Тем более, что в ч. 2 ст. 212 они предлагают записать следующее:

«Владение может быть приобретено односторонними действиями приобретателя, если лицо, передающее владение, создало условия для свободного доступа приобретателя к объекту владения». Иначе говоря, хватай все, что плохо лежит.

На самом деле понятия «владелец» или «собственник» отражают только социальное положение физического или юридического лица, который, обладая данным статусом, может пользоваться и распоряжаться объектом собственности. Если он не является таковым, то доступ к объекту собственности может получить только по воле признанного владельца. Иначе говоря, владение, пользование и распоряжение не являются порядковыми терминами. Владение — социальный статус, а пользование и распоряжение — функции владения. Такова объективная действительность. Об этом писала в 2003 г. Л.В. Базарова (Социальный статус субъекта собственности // Современные проблемы юридической науки: Сборник научных статей / Под ред. А.К. Черненко. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003 г. — Вып. 2. — С. 264—273).

Собственность, по нашему мнению, — это добровольное или вынужденное признание социальной средой воли субъекта социального действия, распространённой им различными формами насилия согласно действующим нормам нравов, обычаев или законов на ресурсы жизнедеятельности, средства и сферы для их производства, а также на эквивалент, представленный в денежном выражении. Акт признания социальной средой этой воли сопровождается принятием индивидами обязанности не вторгаться в действия владельца по распоряжению и пользованию присвоенным объектом собственности (Бобров В.В., Черненко А.К. Правовая технология. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. — С. 93, 94).

Обращаем внимание читателя на основные диагностические признаки данного объекта определения: (1) факт признания (2) воли субъекта, распространяемой им (3) различными формами насилия (4) по существующим нормам поведения на (5) объекты собственности и (6) принятие окружением обязанности не препятствовать владельцу пользоваться и распоряжаться ими. В Гражданском кодексе РФ ни один из этих признаков собственности не получил раскрытия, что однозначно указывает на факт отсутствия их целенаправленного исследования.

Отношения собственности у каждого человека начинаются с малолетства, когда он начинает говорить «это — мое». И объект притязаний действительно будет принадлежать ему, если другая сторона признает его претензии. Все процедуры, связанные с взаимными притязаниями сторон по поводу определенных объектов их интереса, разрешаются в устных или письменных, добровольных либо вынужденных договорах. Поэтому Гражданский кодекс действительно касается каждого без исключения человека, и законодательное регулирование отношений собственности, т.е. одной из форм нормативного насилия наряду с нравами и обычаями, является средством направления потенциальной энергии населения страны в русло определенной деятельности. Это есть политика в её чистом виде, хотя П.В. Крашенинников, признавая факт влияния нормативного документа на всех людей, говорит, что «в нём не затрагивается политика» (РГ 9 августа 2012 г.). Интересно было узнать от него, что он понимает под политикой.

В силу массового воздействия на судьбы людей политика должна иметь нравственные оправдания определенной общественной пользой. Устанавливая и поддерживая в масштабах страны нормы поведения, законодателям необходимо ясно указывать на систему своих ценностных ориентаций. Следовательно, после выяснения содержания исходного понятия необходимо получить ответ на вопрос о направленности посредством

законов потенциальной энергии населения страны в отношении собственности. Эта позиция изложена законодателями в ст. 2 ГК РФ. Предлагаем читателю познакомиться с ч. 1 данной статьи: «Гражданское законодательство определяет правовое положение участников гражданского оборота, основания возникновения и порядок осуществления права собственности и других вещных прав, прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальных прав), регулирует договорные и иные обязательства, а также другие имущественные и личные неимущественные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников».

Несмотря на многословие указанного фрагмента, в нём отсутствуют основные детерминанты, обуславливающие необходимость законодательного регулирования поведения людей: единство занимаемой ими территории и условия общественного разделения труда. Вместо него мы предлагаем следующее: «Гражданское законодательство определяет правовое положение участников гражданского оборота в условиях единства занимаемой территории и общественного разделения труда, основания и порядок возникновения, функционирования, преобразования и прекращения отношений собственности в Российской Федерации».

В абзаце третьем законодателями направлены предпринимательскую деятельность «на систематическое получение прибыли». Иначе говоря, вместо ориентации производителей, работающих в условиях общественного разделения труда, на общественно-полезную деятельность по созданию совокупного общественного продукта, т.е. производство и предоставление потребителям качественных и безопасных товаров и услуг, законодателями направлены их потенциальную энергию только на извлечение прибыли. Эта позиция получила свое закрепление в других нормативных актах. Ужасающие последствия такой ценностной ориентации видны невооруженным глазом: техногенные катастрофы, мнимые медицинские, педагогические и другие услуги, фальсифицированные продукты питания и лекарства, продажи домов вместе с людьми, финансовые аферы и т.д.

На этом фоне все разговоры о правах человека выглядят фарисейскими, потому что законодательно оправданные действия ради прибыли любой ценой на деле являются посягательством на жизнь и здоровье людей. Такая ценностная ориентация в нормативных документах заменяет вооруженное вторжение извне. Автор российского федерального закона «Об акционерных обществах» Бернард Блэк заявил в печати, что финансовая эффективность деятельности компании никак не коррелирует с качеством корпоративного управления. В предложенных им нормативных мерах речь идет об ответственности органов управления компании перед инвесторами за распределение получаемой прибыли. (См.: Блэк Бернард. Правовое регулирование ответственности членов органов управления: Анализ мировой практики. — М.: Альпина Паблишерз, 2010. — С. 15). Ответственность за качество выпускаемой продукции перед потребителями в них отсутствует. Опыт последних десятилетий убедительно показывает неблагоприятные последствия работы таких зарубежных советников в странах их пребывания.

Третий вопрос требует ответа о сути механизма регулирования отношений собственности, т.е. о договоре. В действующем ГК РФ его содержанию посвящены 12 статей, порядку заключения — 18, а изменению и расторжению — 4. Складывается впечатление полноты решения проблемы. На самом деле в названиях статей ГК РФ договор упоминается ещё около 200 раз, в трёх случаях в связке с договором использован термин

«контракт», и в шести он представлен самостоятельно. Уместно задаться вопросом: если содержание понятия «договор» и процедуры его заключения, применения, изменения и расторжения детально разработаны, то какая необходимость в их тиражировании?

Данное состояние ГК РФ является результатом дифференцирования правоведения, в процессе которого представители обособившихся специальностей отгородились друг от друга частоклоном собственными понятиями и настойчиво поддерживают статус-кво. За примерами далеко ходить не надо. Предлагаем читателям, в частности, найти общее и особенное между хозяйственными обязательствами (10.23.35) и обязательственным правом (10.27.61) или между хозяйственно-правовой ответственностью (10.23.65) и гражданско-правовой ответственностью (10.27.65), а также отыскать их общие связи. На самом деле людей связывают между собой единство занимаемой территории и условия общественного разделения труда, на базе которых формируются их статусные положения, выраженные в правомочиях, обязанностях и взаимной ответственности участников общественных отношений. Поэтому когда знакомимся с рассуждениями некоторых «исследователей» проблемы ответственности субъектов общественных отношений вне связи с их правомочиями и обязанностями, то уместно задать вопрос: за что им отвечать?

Однако продолжим тему договора. Например, объединение людей в некоторое сообщество для их совместной деятельности требует учредительного договора, поэтому нетрудно разработать его общие требования. Однако в главе 27 «Понятие и условия договора» им места не нашлось. Всего же этой проблеме в ГК РФ посвящено 10 статей, разнесённых далеко друг от друга. Причём в прямой постановке учредительные договоры рассматриваются только в трёх статьях. Всё это создало благоприятные условия в России для практики недружественных поглощений (рейдерства).

Другой пример связан с отражением в договоре структуры объекта собственности, который в ГК РФ и в новом его проекте отражения не нашёл. Между тем, если предмет договора являются какие-либо ресурсы жизнедеятельности, то правомочия, обязанности и ответственность сторон будут одни, а в случае со средствами производства — другие и т.д. Исходных социально значимых положений по этим вопросам в главе 27 нет. Поэтому при анализе вопросов купли-продажи, аренды, ренты, подряда, займа, кредита, хранения и т.д. обращает на себя внимание отсутствие в них единого подхода к решению общих проблем.

Аналогичные примеры множественного дублирования в кодексе частных фактов вне связи с их общими основаниями можно вводить и по другим положениям договора, но вывод вполне очевиден: принимать новый проект ГК РФ в таком виде нецелесообразно. Для работы над ним необходимы специалисты, ясно понимающие назначение данного нормативного документа в российском обществе, обладающие способностью преодолеть внутриведомственную разобщённость в правоведении и умеющие с позиций общегосударственных интересов учитывать разнообразные точки зрения по вопросам совершенствования отношений собственности.

Эта проблема нами с А.К. Черненко была поставлена ещё в 2003 г., и завершающее выражение с методологией её разрешения она получила в правовой технологии (Новосибирск, 2010), знакомство с которой для законодателей считаю полезным делом в интересах повышения их правотворческой квалификации.

В.В. Бобров, к. филос. н., профессор кафедры философии ИФП СО РАН